

ОБ ОТКЛИКАХ ИЗ ТИФЛИСА
НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

1

реди многочисленных откликов на смерть Пушкина особое место занимает письмо А. А. Бестужева-Марлинского, посланное из Тифлиса в Петербург брату Павлу 23 февраля 1837 года.¹ Этот широко известный документ, насколько помнится, никем еще не был проанализирован. Попытаюсь прокомментировать некоторые его места.

Известие о гибели великого поэта ошеломило ссыльного писателя-декабриста.

А. А. Бестужев был связан с Пушкиным с самого начала своей литературной деятельности и до 1837 года, когда оба они погибли от пули.

Еще до восстания декабристов он вел с Пушкиным оживленную дружескую переписку, а в своих статьях называл его новым Прометеем, похитившим небесный огонь и еще в младенчестве изумившим всех мужеством своего слога.² В свою очередь, и Пушкин высоко ценил талант Бестужева, сочувственно следил за его судьбой, когда тот после событий 14 декабря 1825 года вместе с братьями и товарищами по борьбе оказался в ссылке. Задыхаясь в атмосфере полицейского произвола в императорском Петербурге, Пушкин часто думал и писал о друзьях, заживо похороненных «во глубине сибирских руд» и подставленных под пули в «теплой Сибири». Поэт рвался к ним, просился на Кавказ... и, не получив разрешения властей, самовольно отправился туда, чтоб «душу освежить, бывалой жизнью пожить в забвеньи сладком близ друзей минувшей юности моей».³ Наконец-то осуществилась мечта Пушкина. Он оказался среди старых приятелей. Но А. Бестужев там не было. Переведенный из Сибири на Кавказ, он ехал в Тифлис в то самое время, когда из этого города Пушкин возвращался на Север. В августе 1829 года они случайно разминулись на Военно-Грузинской дороге, о чем оба очень сожалели.

«Если Вы видите А. Бестужева, — писал Пушкин П. Санковскому в Тифлис, — передайте ему поклон от меня. Мы повстречались с ним на Гут-горе, не узнавши друг друга, и с тех пор я имею о нем сведения лишь из журналов, в которых он печатает свои прелестные повести. Здесь распространился слух о его

¹ О значении для России Тифлиса в то время см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 555.

² Бестужев-Марлинский А. А. Соч. В 2-х т. М., 1958, т. 2, с. 531.

³ Пушкин В. Полн. собр. соч., 1948, т. 3, с. 468.

смерти, мы искренне оплакивали его и очень обрадовались его воскрешению».⁴

Пушкин, конечно, не знал, что его письмо, датированное 3 января 1833 года, не дойдет до адресата (П. Санковский умер в 1832 году), а дружеский привет поэта — до Бестужева, который о той же несостоявшейся встрече писал Н. Полевому 9 марта 1833 года:

«Давно ли, часто ли с Пушкиным? Мне он очень любопытен; я не сержусь на него именно потому, что его люблю. Скажите, что нет судьбы! Я сломя голову скакал по утесам Кавказа, встретя его повозку: мне сказали, что он у Бориса Чилиева, моего старого однокашника; спешу, приезжаю — где он? ... Сейчас лишь уехал, и, как нарочно, ему дали провожатого по новой окольной дороге, так что он со мной и не встретился... Я рвал на себе волосы с досады, сколько вещей я бы ему высказал, сколько бы узнал от него, и случай развел нас на долгие годы, может быть на бесконечные годы. Скажи ему от меня: ты надежда Руси — не изменяй ей, не изменяй своему веку».⁵

Переписываться с опальным поэтом разжалованному в солдаты поднадзорному декабристу нельзя было из соображений осторожности. Поэтому приветы и поручения к Пушкину он передавал через других лиц, а с 1835 года своего рода посредником между ними стал Павел Бестужев, которому по болезни разрешили выйти в отставку и вернуться из Кавказской ссылки в Петербург. Должно быть, брат просил его навещать Пушкина, но вначале, видимо, Павел Александрович не рещался на это, не зная, как его примут.

«Я не был еще ни у Пушкина, ни у Греча, ни у Булгарина, — писал он брату 5 февраля 1835 г. — Да и не знаю, итти ли мне? Черт их знает, что с ними сделалось в 8 лет моего отсутствия», но уже 10 декабря сообщает: «... Бываю иногда у Пушкина, он премилый человек, тебе кланяется. Пишет что-то о Петре 1, никуда не ездит и подъезжает к жене».⁶

Очевидно, Павел Бестужев нередко бывал у Пушкина. Об этом можно судить по его переписке с братом. «Пушкину скажи, — писал Александр Александрович ему 15 марта 1836 года, — что ему стыдно было не уведомить меня о своем литературном предприятии (речь несомненно идет о «Современнике» (В. Ш.)). Я бы мог приготовить, выбрать что-либо для его журнала, ежели бы знал заблаговременно. Теперь кочевой солдат я, не знаю, когда удастся найти мне стол (на Кавказе это эпоха) и за столом вдохновеенье. Во всяком случае я пришлю ему статью, когда — пусть не винит меня за время; время не принадлежит мне. Я же обязан кончить Мулла-Нура, и обещал Карлгофу

⁴ Там же, т. 15, с. 316.

⁵ Русский Вестник, 1861, апрель, с. 436.

⁶ Цит. по: Левкович Я. Судьба Марлинского. Звезда, 1975, № 12, с. 162.

статью в альманах. Пусть он, в качестве первого жреца Аполлона, помолится ему за мое прилежание».⁷

Судя по письму А. А. Бестужева от 7 августа того же года, Павел Александрович передал все это Пушкину, и поэт ждал для «Современника» обещанную статью. Однако Александр Александрович, очевидно, из-за болезни и тяжелой походной жизни не смог осуществить своего намеренья. Передавая привет Пушкину, он писал брату: «Пусть он тоже извинит меня: я право не на розах. „Современник“ его 1 читал».⁸

Через несколько месяцев после написания этих слов А. Бестужев получил от брата ошеломляющее письмо.⁹

«Я был глубоко потрясен трагической гибелью Пупкина, дорогой Павел, хотя эта новость была сообщена мне очаровательной женщиной ... Я не сомкнул глаз в течение ночи, а на рассвете я был уже на крутой дороге, которая ведет к монастырю святого Давида, известному вам. Прибыв туда, я позвал священника и приказал отслужить панихиду на могиле Грибоедова...»¹⁰

Следует напомнить, что Мтацминду (гора св. Давида) Грибоедов считал самым поэтическим местом Тифлиса и неоднократно выражал желание быть похороненным именно там.¹¹ Ниже мы увидим, что с 1829 года Мтацминда стала для многих людей местом паломничества. На могилу Грибоедова люди поднимались, чтобы поклониться его праху и чтобы излить здесь свою душу.

Вернемся к началу письма А. Бестужева и обратим внимание на фразу о том, что ему трагическая «новость была сообщена очаровательной женщиной». Эти слова можно понять по-разному: или женщина передала А. Бестужеву письмо его брата, присланное из Петербурга, или же она узнала страшную новость из других источников еще до получения письма Павла Бестужева и сообщила ее Александру Александровичу. Допустить можно и то и другое. Вопрос остается открытым. До сих пор не выяснено также имя этой женщины. Можно строить лишь догадки. Скорее всего это была Нина Александровна Чавчавадзе-Грибоедова. Для такого предположения есть достаточно оснований. Хорошо известно, что семья Александра Чавчавадзе, выдающегося поэта и государственного деятеля, тестя Грибоедова, была в Тифлисе центром сближения передовых русских и кавказских деятелей, что в этом «приюте муз и вдохновенья» часто бывали декабристы. Известно также, что в произведениях Александра Чавчавадзе немало мотивов, характерных для декабристской поэзии, что ему принадлежит перевод стихотворения «государственного преступ-

⁷ Отечественные записки, 1860, июль, с. 59—60.

⁸ Там же, с. 64.

⁹ См.: Сб. Декабристы и их время. Л., 1951, с. 97—100.

¹⁰ Бестужев-Марлинский А. А. Соч., т. II, с. 673.

¹¹ Тифлиские ведомости, 1829, 19 июля, с. 1.

ника» А. И. Одоевского «Соловей и роза», а главное в этой семье был своего рода культ Пушкина. Здесь его боготворили. Напомним, что единственное произведение Александра Чавчавадзе, напечатанное при его жизни, был выполненный им перевод пушкинского «Пробуждения».¹² В то же время это было первым произведением русского гения, опубликованным на грузинском языке. Вспомним также убедительное предположение исследователей о том, что во время своего трехдневного пребывания в Тифлисе в 1829 г. Пушкин навестил только что овдовевшую Нину Чавчавадзе, а после возвращения из Арзрума, по свидетельству мемуариста, «посетил еще свежую тогда могилу Грибоедова, перед коей Александр Сергеевич преклонил колени и долго стоял наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы».¹³

Через несколько дней после отъезда Пушкина из Тифлиса сюда приехал ссыльный А. Бестужев. Александр Александрович знал, что о его переводе из Сибири на Кавказ хлопотал перед Паскевичем Грибоедов. «Паскевич грыз меня особенно своими секретными, — писал А. Бестужев Н. Полевому 4 февраля 1832 года, — казалось, он хотел выместить память Грибоедова за то, что тот взял с него слово мне благодетельствовать, даже выпросить меня из Сибири у государя. Я видел на сей счет сделанную покойником записку... Благороднейшая душа!... Я стоил его дружбы и горжусь этим».¹⁴ Можно не сомневаться, что А. Бестужев также посетил еще свежую могилу Грибоедова и что, как справедливо предполагают исследователи,¹⁵ именно ему принадлежит анонимный очерк «Могилы Грибоедова», опубликованный в газ. «Тифлиссские ведомости» в 1831 г. (№ 9—11, с. 80—83).

Грибоедов хлопотал о переводе из Сибири в Грузию и другого «государственного преступника» — Александра Одоевского.

«Александр мне в эту минуту душу раздирает, — писал Грибоедов 3 декабря 1828 года В. С. Миклашевич. — Сейчас пишу к Паскевичу, — коли он и теперь ему не поможет, провались все его отличия, слава и гром побед, все это не стоит избавления от гибели одного несчастного, и кого!!».¹⁶ В тот же день Грибоедов умолял Паскевича: «Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского».¹⁷ К сожалению, Грибоедов не дождался результата своей просьбы.

Узнав в Сибири о гибели своего друга и родственника, А. Одоевский в своей «Элегии на смерть А. С. Грибоедова» писал:

¹² Газ. Тбилисисс учебани, 1830 г., № 2.

¹³ См. воспоминания Н. Б. Потокского в ж. Русская старина, 1880, июнь, с. 576—584.

¹⁴ Бестужев-Марлинский А. А. 1958, т. 2, 641—642.

¹⁵ Тугуши Клара. Об одной анонимной статье. — Цискари, 1973, № 1, с. 135—140. На груз. яз.

¹⁶ Грибоедов. Сочинения. М., 1945, с. 545.

¹⁷ Там же, с. 552.

«О, дайте горьких слез потоком его могилу оросить», а когда он в 1837 году вместе с Лермонтовым прибыл в Тифлис, «часто хаживал на могилу своего Грибоедова».¹⁸ Мтацминда, принявшая прах Грибоедова, становится родной и священной для Пушкина и Бестужева, Одоевского и Лермонтова.

По сведениям современников, переданным из поколения в поколение, вести о гибели Пушкина и о ссылке в Грузию Лермонтова за нашумевшее стихотворение обычно прежде всего попадали в дом Чавчавадзе, благодаря тесным связям Александра Чавчавадзе и его дочери Нины (вдовы Грибоедова) с широким кругом невской столицы. Новое общее горе — гибель Пушкина — без слов, с первого же прихода, сделало этот замечательный дом родным для Лермонтова и Одоевского, которые «тоску изгнания делили дружно, и вместе посещали могилу Грибоедова. Вдова Александра Сергеевича, тронутая их вниманием и участием, подарила им кинжалы „в знак памяти“».¹⁹

Полагаем, что ее же «лилейная рука» передала Бестужеву письмо с печальным сообщением о гибели Пушкина.

Эта гипотеза подкрепляется еще одним недавно обнаруженным фактом: именно через вдову Грибоедова получал письма декабриста Н. И. Лорера М. В. Дмитревский, тот самый «тифлисский поэт», который дружил с Лермонтовым и стихотворением которого («Карие глаза») так восхищался автор «Демона».²⁰ Следует подчеркнуть, что М. В. Дмитревский дружил и с А. А. Бестужевым, о чем свидетельствует их переписка.²¹ Это — люди одного дружеского круга, тесно связанного с семьей тестя и вдовы Грибоедова.

Если учесть все сказанное, станет более понятным, почему А. А. Бестужев, получив от «очаровательной женщины» сообщение о смерти Пушкина, после бессонной ночи, проведенной в горестном размышлении, на рассвете отправился на могилу Грибоедова и заказал панихиду.

«Я плакал тогда, — писал он брату Павлу, — как я плачу теперь, горячими слезами, плакал о друге и товарище по оружию, плакал о себе самом; и когда священник запел: „За убиенных боляр Александра и Александра“, рыдания сдавили мне грудь — эта фраза показалась мне не только воспоминанием, но и предзнаменованием. . . Да, я чувствую, что моя смерть также будет насильственной и необычайной, что она уже недалеко . . . Какой жребий, однако, выпал на долю всех поэтов наших дней! . . . Вот уже трое погбло, и какой смертью все трое!»²²

¹⁸ Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 243.

¹⁹ Шадури В. С. «За хребтом Кавказа». Тбилиси, 1977, с. 18—30.

²⁰ Шадури В. С. Новое о М. В. Дмитревском — приятеле Лермонтова и декабристов. — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979.

²¹ Чистова И. С. О Кавказском окружении Лермонтова. — Там же.

²² Бестужев-Марлинский А. А. Т. II, с. 673—674.

Бестужев плакал горячими слезами о Пушкине, Грибоедове и не названном в письме Рылееве, плакал о себе, о трагической участи русских поэтов. Он предчувствовал и свою скорую гибель. Впрочем, он смерти не боялся. «Я молю только об одном, — писал он брату, — чтобы не погибнуть простертым на лоне страданий или в поединке».²³ Последнее слово нуждается в оговорке. Бестужев жаждал поединка с Дантесом, лишившим Россию ее великого сына. «Он убил Пушкина, — и этого более чем достаточно, чтобы считать, что он нанес нам непростительное, на мой взгляд, оскорбление. Пусть он знает (свидетель бог, что я не шучу), что при первой же нашей встрече один из нас не вернется живым!»²⁴

2

Желающих «отомстить за дорогую кровь» было достаточно не только среди русских.

«Когда я прочел Ваше письмо Мамуке Орбелианову, — писал А. А. Бестужев брату, — он разразился проклятиями: „Я убью этого Дантеса, если только когда-нибудь его увижу!“», — сказал он.²⁵

В этих словах выражены чувства и настроения всей тогдашней передовой грузинской интеллигенции, одним из лучших представителей которой был Мамука Орбелиани. Поскольку о нем современному русскому читателю почти ничего не известно, считая нелишним отметить, что Мамука Тамазович (или, как его часто называют в официальных документах — Макар Фомич) Орбелиани (Джамбакур-Орбелиани) — весьма интересная личность (1801—1871). Образование он получил в Тифлисском училище, военную службу начал в 1816 году, участвовал в русско-персидской и русско-турецкой войнах 1826—1829 годов. По свидетельству современников, Мамука Орбелиани был «храбрым, умным грузином»,²⁶ «человеком пылким, храбрым, благородным».²⁷ «В 1829 г., когда при сборе милиции в Грузии произошли беспорядки, Орбелиани был обвинен в подстрекательстве».²⁸ Позже он привлекался к ответственности за участие в антиправительственном заговоре 1832 года. Следственная комиссия установила, что Мамука Орбелиани «предложил, как удобнейший способ к начатию возмущения, дать бал, на коем созвать и истребить главных начальников».²⁹ Несмотря на это, он не очень пострадал. В тридцатые годы Орбелиани опять участвует в военных похо-

²³ Там же, с. 674.

²⁴ Там же, с. 674.

²⁵ Там же, с. 674.

²⁶ Фадеев А. М. Воспоминания, т. II, с. 112.

²⁷ Русский архив, 1889, январь, с. 592.

²⁸ Русский архив, 1894, январь, с. 386.

²⁹ Центр. гос. исторический архив СССР, фонд о заговоре 1832 г., № XXI, л. 4228.

дах. По словам хорошо его знавшего с детства В. Желиховского, Мамука Орбелиани «то буйно пировал с друзьями, то храбро воевал с врагами».³⁰ За свою жизнь он участвовал в 134 больших и малых битвах. В. Желиховский приводит в своей книге любопытный для лермонтоведения эпизод. «В 1834 году жил на Кубани беглый кабардинец Казбеч — гроза и ужас казаков». Он любил вызывать врагов на поединок и всегда их побеждал. И вот однажды на поле сражения произошла его встреча с Мамукой Орбелиани. «Как горный орел на добычу» бросился он на Казбеча, но пуля не брала кольчуги, а шашка — железю. «Что делать? Убью лошадь, мелькает в голове князя, изворачивающегося от ударов Казбеча». Но в этот миг получает ранение от его шашки. Мамука окровавленной рукой выхватывает карабин, стреляет в упор и смертельно ранит «могучую грудь славного горского богатыря». Предание об этом поединке широко распространилось по всему Кавказу.³¹

Как известно, в романе Лермонтова «Герой нашего времени» встречается имя Казбича, убившего Бэлу. Подробно рассказав о нем, Максим Максимыч на вопрос — «Что сделалось с Казбичем?» отвечает: «С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожжужит близко, — да вряд ли это тот самый». В лермонтоведении давно установлено, что это — действительно «не тот самый», а другой — реальное историческое лицо.³² Об этом другом, историческом Казбиче (Кизилбече) Шертулокове (Шеретлуке) говорится во многих мемуарах, исторических и литературоведческих трудах.³³ Выяснено, что он умер 29 февраля 1840 года от раны, полученной 1 декабря 1839 года. По другим данным, он был тяжело ранен 25 февраля 1840 года при взятии горцами форта Вельяминовского и вскоре умер. Теперь из мемуаров В. Желиховского и Елены Орбелиани³⁴ мы узнаем, что Казбича смертельно ранил Мамука Орбелиани.

Он был не только храбрым воином, но, что особенно для нас важно, — другом Бестужева, Николоза Бараташвили и других русских и грузинских писателей, «настоящим поэтом в душе», как правильно отметил хорошо его знавший журналист и литератор И. Кереселидзе.³⁵ И не только в душе. Он является ав-

³⁰ Желиховский В. Русский грузинам. По случаю смерти князя Макара Фомича Джамбакур-Орбелиани. Тифлис, 1872, с. 19.

³¹ Там же, с. 29—31.

³² Виноградов Б. С. Горцы в романе Лермонтова «Герой нашего времени». — В кн.: Лермонтов М. Ю. Вопросы жизни и творчества. Орджоникидзе, 1963, с. 59.

³³ См. Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий, 1966, с. 93, 124—125.

³⁴ Литератури матиане, 1940, № 1—2, с. 433.

³⁵ Цискари, 1871, № 11—12, с. 788.

тором нескольких стихотворений, из которых два хранятся в архиве Института рукописей Академии наук Грузии,³⁶ а одно было напечатано еще в 1862 году в журнале «Цискари» (№ 9, стр. 10—13).

Большого внимания заслуживает свидетельство В. Желиховского о том, что, будучи большим поклонником Пушкина, Мамука Орбелиани «имел несколько любимых книжек. Был у него ... том Пушкина ... он подарил его мне с неперемным условием выучить „Братьев-разбойников“. По сердцу ему пришла эта задорная удаля, эта беззаветная энергия».³⁷

Далее мемуарист пишет: «Когда пришло известие о смерти Пушкина, Макар Фомич написал в Петербург знакомому: скажи убийце Пушкина, что меня в Петербург не пускает начальство, пусть сюда приедет, я его убью, как собаку».³⁸

Показательно, что при получении известия об убийстве Пушкина первым желанием, возникшим и у русского писателя-декабриста и у его грузинского друга, было расправиться с Дантесом.³⁹

3

В февральскую ночь, когда А. Бестужев под сильным впечатлением полученного из Петербурга горестного сообщения «не сомкнул глаз в течение ночи», молодой азербайджанский поэт М. Ф. Ахундов, также находившийся в Тифлисе, «сердцу говорил, глаз не сомкнув в ночи:

Хранитель тайников, свой жемчуг расточи». И из сердца поэта, как стон, вырвалась полная скорби и отчаяния поэма на смерть Пушкина, «Старец седовласый, Кавказ», ответил на недопетые песни русского гения «стоном в стихах Сабугия».⁴⁰

Известно, что поэма М. Ф. Ахундова была опубликована в мартовской книжке журнала «Московский наблюдатель» за 1837 г. в подстрочном переводе автора, а в сентябре 1874 г. — в «Русской старине» в переводе А. А. Бестужева. Публикуя этот перевод, кавказовед А. Берже, друг М. Ф. Ахундова, в своем предисловии рассказал:

«В 1834 году в канцелярию главноуправляющего в Грузии барона Григория Владимировича Розена поступил в качестве переводчика молодой мусульманин из нухинских жителей, по имени Мирза-Фетх-Али (Ахундов), ныне полковник и в той же должности. Спустя три года ему случилось познакомиться

³⁶ Фонд Н, № 101.

³⁷ Желиховский В. Там же, с. 38.

³⁸ Там же, с. 40.

³⁹ Любопытно, что по распространенным тогда слухам, А. Мицкевич также послал Дантесу «картель» и писал, что считает себя обязанным драться за убийство Пушкина, его первого друга; что если он не трус, то явится к нему в Париж». — Русский архив, 1905, кн. 2, с. 607.

⁴⁰ Сабугий — псевдоним М. Ф. Ахундова.

с Александром Александровичем Бестужевым (в литературе известным под громким некогда псевдонимом Марлинского), проживавшим тогда в Тифлисе у полковника Потоцкого, и учить его татарскому языку. Около того же времени на Кавказе было получено известие о смерти Александра Сергеевича Пушкина. Обстоятельство это послужило как бы толчком Мирзе-Фетх-Али при помощи некоторого поэтического дарования написать небольшую поэму и представить ее барону Розену, который не мог не отнестись с большою похвалою к самой идее, побудившей молодого кавказского мусульманина быть отголоском той скорби, которую вызвала во всех концах России весть о безвременной кончине великого поэта. В мае того же, 1837 года была предпринята экспедиция в Цебельду под личным начальством главнокомандующего, взявшего с собою, между прочим, Фетх-Али и Бестужева, пользовавшегося особенным расположением генерала. По приведении в покорность цебельдинцев отряд наш возвратился в Сухум, где его ожидали суда, на которых он должен был отправиться к мысу Адлеру для наказания горцев. За три дня до отплытия в море Бестужев в числе других обедал у барона Розена, который, между прочим, спросил его, читал ли он поэму Мирзы-Фетх-Али (присутствовавшего тут же), и когда получил отрицательный ответ, то просил его переложить поэму на русский язык при содействии автора. Это было посмертным произведением пера Бестужева: несколько дней спустя, высадившись у мыса Адлера, он был убит горцами.

Оригинал поэмы утрачен; подлинник же перевода передан автором в полное мое распоряжение.

Сообщая его ныне на страницах „Русской старины“, я имел в виду не какие-либо особенные достоинства самой поэмы, а скорее желание не упустить случая вспомнить о злополучном А. Бестужеве, одно время поглощавшем своими произведениями внимание всего русского читающего мира, и выставить новое доказательство, что кончина незабвенного Пушкина потрясла своей неожиданностью не только одну внутреннюю Россию, но произвела глубокое впечатление даже среди мусульманского населения в одной из дальних окраин нашего обширного отечества».⁴¹

История публикации этой «Восточной поэмы на смерть А. С. Пушкина» подробно изложена в статье А. А. Шарифа.⁴² Там же, сравнивая оригинал с переводами, А. А. Шариф обращает внимание на то, что восклицание «О, жертва смерти», лишённое какого бы то ни было подтекста, А. Бестужев изменил, написав: «Убитый злодейской рукою разбойника мира».⁴³

⁴¹ Русская старина, 1874, сентябрь, с. 76—77.

⁴² Шариф А. А. Из истории публикаций поэмы М. Ф. Ахундова «На смерть Пушкина». — В кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979, с. 215—229.

⁴³ Там же, с. 223.

Следует напомнить, что у М. Ф. Ахундова уроки азербайджанского («татарского») языка брал не только А. А. Бестужев, но, как справедливо предполагают И. Л. Андроников и другие исследователи, и М. Ю. Лермонтов, высланный из столицы за стихотворение на смерть Пушкина и прибывший в Тифлис в том же 1837 году, вскоре после гибели Александра Александровича.

Одно из первых поэтических творений М. Ф. Ахундова оказалось, к сожалению, последним произведением, прочитанным и переведенным на русский язык А. А. Бестужевым. Чувствуя, что смерть уже недалеко, он 7-го июня 1837 г. на корабле перед высадкой десанта на Адлер пишет духовное завещание: «Если меня убьют, прошу все здесь найденное имеющееся платье отдать деньщику моему Алексею Шарапову. Бумаги же и прочие вещи небольшого объема отослать брату моему Павлу в Петербург. Денег в моем портфеле около 450 р.; до 500 осталось с вещами в Кутаисе у подпоручика Кирилова. Прочие вещи в квартире Потоцкого в Тифлисе. Прошу благословения у матери, целую родных, всем добрым людям привет русского. Александр Бестужев».⁴⁴

В тот же день он погиб в сражении. Оправдалось предчувствие ссыльного декабриста, что его «смерть также будет насильственной и необычайной», как Пушкина и Грибоедова.

4

Есть все основания утверждать, что чувством глубокой скорби и жгучей ненависти к убийцам Пушкина был охвачен и один из лучших представителей польской общественности Потоцкий — тот самый воин и литератор, упомянутый в статье А. Берже и в завещании А. Бестужева, у которого жил писатель-декабрист в Тифлисе и которому довелось быть свидетелем гибели А. А. Бестужева в том же 1837 г.

О Потоцком в нашем литературоведении мало что известно. О нем мимоходом говорится, правда, в некоторых работах и мемуарах, опубликованных на польском и русском языках, но в целом он относится к числу незаслуженно забытых и неизученных деятелей.

Между тем, даже не любивший Потоцкого Ф. Ф. Торнау вынужден признать, что он был «во всех отношениях замечательно талантливая личность . . . Он все знал, все видел и мало существовало европейских диалектов, которыми не владел бы в совершенстве».⁴⁵ По словам другого мемуариста, польского реакционера К. Козьмяна, так же недоброжелательно относившегося к Потоцкому, он был искренним патриотом, не предававшим своих убеждений и друзей, исключительно одаренным поэтом и

⁴⁴ Отечественные записки, 1860, июль, с. 79.

⁴⁵ Русский вестник, 1869, апрель, с. 703.

человеком, которым могло бы гордиться польское общество, если бы, по мнению закоренелого консерватора, он не был «атеистом, циником, эпикурейцем в самом опасном смысле этого слова, вольтерьянцем»... К. Козьян сопоставляет взгляды Потоцкого с поэзией молодого Мицкевича, также им отвергаемой.

Надо сказать, что в биографии интересующей нас личности пока еще много неясного и загадочного. Барон Ф. Ф. Торнау, прибывший в Тифлис в 1832 г., писал, что Потоцкий — «не графского, а простого шляхетского происхождения... Его прошедшее было покрыто интересною таинственностью. Носились темные слухи, будто бы он в Южной Америке дрался за свободу и в своей жизни перенес много несчастий, а какие именно, никто не ведал. Положительно знали об одном, что он прибыл на Кавказ не по собственному желанию и принужденно обрелся в скромном чине армейского прапорщика».⁴⁶

Выясняется, что Войцех (Альберт) Игнатьевич Потоцкий (1801—1848) воспитывался у вдовы Северина Потоцкого, чей варшавский салон был одним из либеральных центров того времени. Обучался в Варшавском лицее. На одном из уроков в лицее, когда разбирали польскую конституцию, дарованную Александром I, Потоцкий написал на обложке: «Тиран ее нам даровал, кровью тирана смоем ее». Арестованный за этот проступок, но вскоре же выпущенный на свободу, Потоцкий некоторое время еще находился в Варшаве, а затем бежал в Англию, чтобы оттуда переправиться в Южную Америку и принять участие в походе армии Боливара. Не достигнув своей цели, он вернулся на родину, в волыньское поместье своего отца, где был схвачен и отправлен на военную службу на Кавказ. Здесь поначалу, в 1822 г., Потоцкий служил при генерале А. П. Ермолове, который ему покровительствовал, а позднее — под начальством барона Г. В. Розена, которому с трудом удалось отклонить вольнолюбивого юношу от участия в польском восстании. Вместе с его корпусом Потоцкий был переведен на Кавказ. Здесь в 1832 г. он участвовал в военной экспедиции, затем служил при штабе Кавказского корпуса «и через самое короткое время сделался у корпусного командира домашним человеком». Впоследствии, учитывая «многообразные познания и на деле доказанный дипломатический талант, его назначили с большим содержанием чем-то вроде английского резидента к азиатскому двору владельца Менгрелии».⁴⁷

Судьбы Потоцкого и Бестужева сложились так, что их пути часто скрещивались то в военных экспедициях в Закубанье, то под мирным небом Грузии.

«Я был в двух экспедициях вместе с вашим братом, — писал Потоцкий Павлу Бестужеву, — и мы обменялись с ним множест-

⁴⁶ Русский вестник, 1869, апрель, с. 703.

⁴⁷ Там же, с. 705.

вом веселых разговоров посреди черкесских пуль». ⁴⁸ Журналистом Я. М. Махлевичем выяснено, что Потоцкий имел в виду экспедиции 1835 и 1836 гг., ⁴⁹ где они сблизились настолько, что в 1837 г. писатель-декабрист в Тифлисе жил у своего польского друга. Об этом свидетельствуют не только приведенное выше сообщение А. Берже и завещание А. А. Бестужева, но и другие источники. По сообщению другого мемуариста, Потоцкий был знаком «со многими сосланными на Кавказ декабристами, особенно с Александром Бестужевым (Марлинским), с которым он был в близких отношениях». ⁵⁰

Потоцкий был очевидцем гибели А. А. Бестужева, которую он позже описал в статье, опубликованной в польском «Атенеуме» под заглавием «Последние минуты Марлинского». В русском переводе она была напечатана в «Иллюстрации» (1848, № 24, с. 376—378). В ней говорится:

«Служебные отношения сблизили меня с Марлинским на Кавказе, а взаимное влечение друг к другу завязало между нами ту приязнь, сладкая память которой породила во мне мысль передать обстоятельства его смерти . . . Целые ночи проводили мы с Марлинским на палубе. Мы любили тогда пробегать с ним мысленно ряд событий» . . .

Та же «сладкая память» о погибшем русском собрате породила, очевидно, желание ознакомить соотечественников с повестью А. А. Бестужева «Аммалат-бек». Отрывок из этого произведения напечатан в польском журнале «Библиотека Варшавская». Начальная буква фамилии переводчика «П», подписанная в конце отрывка, — это несомненно Потоцкий.

Для нашей темы особое значение имеет тот факт, что в 1841 г. в «Библиотеке Варшавской» № 3 было напечатано стихотворение Пушкина «К гречанке» в переводе Потоцкого. Вообще в польской периодике сороковых годов довольно часто публиковались стихотворения, рассказы, очерки, мемуары и статьи Потоцкого.

Занимая видное место в «Кавказской группе» польских поэтов и пользуясь доброжелательным отношением к себе наместника М. С. Воронцова, в 1845—1848 гг. Потоцкий помогал и покровительствовал опальным польским поэтам, сосланным на Кавказ (Тадеуш Лада-Заблочкий, Леон Янишевский, Владислав Стшельницкий, Ксаверий Петрашкевич, Станислав Винницкий и др.). Но это предмет особого разговора. ⁵¹

⁴⁸ Архив ИРЛИ, фонд Бестужевых, № 16, лл. 93—94.

⁴⁹ Считаю своим долгом выразить благодарность Я. Л. Махлевичу, пригласившему мне выписки из архивных материалов об участии Потоцкого и Бестужева в военных походах на Кавказе. Часть этих материалов была использована в интересных очерках Я. Л. Махлевича «Кавказский вид» (Неделя, 1977, № 14) и «Лагерь при Суджук-Кале». — Там же, 1979, № 40.

⁵⁰ Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1879, с. 132.

⁵¹ Частично этот вопрос затронут в неопубликованной кандидатской диссертации С. Я. Равича о жизни и деятельности Тадеуша Лада-Заблоч-

О декабристских симпатиях и поэтических увлечениях Потоцкого свидетельствует весьма любопытный семейный альбом Екатерины Александровны Чавчавадзе,⁵² младшей сестры вдовы Грибоедова, жены (с 1839 г.) владетеля Мингрелии Давида Дадзиани. Потоцкий долгое время был не только «чем-то вроде английского резидента» при Мингрельском дворе, но и «закадычным другом владетеля». В альбоме Екатерины Чавчавадзе-Дадзиани находим три стихотворения на польском языке, подписанные Войцехом Потоцким. Одно из них, датированное 1848 г., является переводом «Розы и Соловья» А. И. Одоевского, того самого стихотворения, которое ранее было переведено на грузинский язык Александром Чавчавадзе и которое Екатерина Александровна еще до замужества распевала, очаровывая всех слушателей, в том числе — влюбленного в нее гениального поэта Николая Бараташвили.

«Когда с такою силой
Однажды Розу спела ты и Соловья,
Своею грацией
Во мне ты пробудила
Поэта, чем навек тебе обязан я».⁵³

Так писал Н. Бараташвили в своем стихотворении «Княжне Екатерине Чавчавадзе».

Судя по всему, переводом стихотворения А. Одоевского завершилась литературная деятельность Потоцкого и его жизненный путь. Он «умер от изнурительной лихорадки в Мингрелии, куда он уехал провести лето у своего старого друга, владетельного князя Дадзиани».⁵⁴

После всего изложенного с уверенностью можно сказать, что А. А. Бестужев делился с Потоцким своими переживаниями и горестными мыслями о смерти Пушкина как в Тифлисе, где они долго жили вместе, так и на палубе корабля, где они «целые ночи проводили» в разговорах о «ряде событий». И нет никакого сомнения, что польский поэт разделял чувства и мысли своего русского друга — декабриста.

Знаменательно и даже символично, что передовые представители русской, грузинской, азербайджанской и польской культуры, объединенные дружбой и общей любовью к безвременно погибшему русскому гению, были охвачены одинаковой скорбью и гневом, что все они восприняли смерть Пушкина, как потерю самого близкого и родного для них человека.

кого в Грузии. Диссертант любезно поделился с нами материалами, за что выражаем ему благодарность.

⁵² Альбом хранится в Тбилисской публичной библиотеке им. К. Маркса.

⁵³ Подробнее об этом см.: Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, с. 333—338.

⁵⁴ Зиссерман А. Л. Там же, с. 264.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

КЛАССИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
— И —
СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981